

**Зубарев Федор Иванович**

**Русские городища и города в  
связи с развитием русской  
государственности**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Ф33

Ф33      **Федор Иванович З.**  
Русские городища и города в связи с развитием русской государственности / Зубарев Федор Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 79 с.

**ISBN 978-5-519-86423-7**

**ISBN 978-5-519-86423-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



то же время даетъ возможность приложить масштабъ нашихъ стратегическихъ изслѣдованій къ весьма несложной жизни и стратегической обстановкѣ первобытнаго некультурнаго человѣка.

Въ зависимости отъ этого опредѣленія стратегіи, измѣняется и опредѣленіе связаннаго съ ней термина «тактики», подѣ которой мы условились понимать лишь *использование средствъ, дарованныхъ природой организму для нападенія на своего врага или защиты (обороны) противъ нападающаго на него непріятеля.*

Въ такомъ именно видѣ «стратегія» и «тактика» положены были нами въ основу нашихъ изслѣдованій о Старицкомъ районѣ, что и дало намъ возможность, руководствуясь общими нормами защиты всякаго вообще организма отъ угрожающей ему опасности, сдѣлать тѣ или иные выводы о стратегическо-тактическихъ дѣйствіяхъ первобытнаго *Homo sapiens*, жившаго на землѣ въ доисторическую эпоху, боровшагося, конечно, и тогда еще за свое жалкое существованіе, но о борьбѣ котораго не осталось никакихъ, говоря современнымъ языкомъ, «лѣтписныхъ» записей.

II. Разсмотрѣвъ оро—и гидрографическую часть Старицкаго района, вмѣстѣ съ добытыми на немъ научными археологическими данными, мы пришли къ выводамъ: а) Старицкій опорный пунктъ (разумѣя подѣ нимъ весь нынѣшній городъ съ частью прилегающей къ нему мѣстности, входившей въ составъ его тактическихъ дѣйствій), представлялъ собою когда-то островъ, омываемый со всѣхъ четырехъ сторонъ водами Волжскаго бассейна<sup>2)</sup>; б) островъ этотъ, поднимающійся въ настоящее время на 40—42 метра выше меженнаго уровня р. Волги и на 177 метр.—надъ уровнемъ моря, былъ заселенъ еще въ древнѣйшія времена людьми каменной неолитической, а можетъ быть и палеолитической эпохи<sup>3)</sup>.

<sup>2)</sup> Г. Старица расположенъ на обонхъ берегахъ р. Волги при впаденіи р. В. Старицы въ Волгу (см. черт. № 1).

<sup>3)</sup> Выводъ этотъ основанъ нами на цѣломъ рядѣ научныхъ данныхъ, перечисленныхъ въ названномъ выше очеркѣ.

III. Воспользовавшись этими двумя выводами, мы, оппояываясь на принципъ нашего опредѣленія слова «стратегія», высказали такого рода соображеніе: первобытные насельники Старицкаго городища—кто-бы они нибыли по своей національности, происхожденію и названію и на какой бы низкой степени развитія не стояла ихъ культура—должны были, утверждаемъ мы, подобно всякому другому органическому существу, вести борьбу за свое существованіе, а стало-быть у нихъ должны были существовать и своя первобытная стратегія и своя тактика.

Какіе именно способы борьбы съ ихъ врагами были у нихъ приняты мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ они должны были носить характеръ сухопутно-морской обороны, если предположить, что къ моменту нападенія непріятеля весь островъ находился въ распоряженіи одного и того-же рода или племени.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, т. е. при предполагаемомъ нападеніи врага со стороны обржавшаго островъ воднаго пространства, стратегическія дѣйствія обороняющихся на сушѣ людей могли сводиться лишь къ дѣйствіямъ отъ центра къ периферіи, т. е. они должны были развивать средства обороны (сфера тактическихъ дѣйствій) по расходящимся (внѣшнимъ) операціоннымъ линіямъ; атакующіе же, напротивъ, должны были дѣйствовать отъ периферіи острова къ его центру и слѣдовательно развивали имѣющіяся въ ихъ распоряженіи тактическія средства по сходящимся (внутреннимъ) операціоннымъ линіямъ.<sup>4)</sup> Эти выводы, кажущіеся намъ по первому на нихъ взгляду простыми предположеніями, подтверждаются однако и чисто практическими соображеніями: прежде всего мы должны допустить, что первобытные люди, такъ же какъ и теперешніе, по водѣ пѣшкомъ не ходили, а плавали на различнаго рода ладьяхъ, лодкахъ, пасадахъ, ушкуяхъ и пр. и при томъ жили они болѣе на водѣ, чѣмъ на землѣ,

<sup>4)</sup> Болѣе подробныя по этому вопросу соображенія приведены въ моемъ трудѣ: «Опытъ историческаго изслѣдованія законовъ развитія колющаго оружія», изд. 1900 г.

такъ какъ земля тогда (въ послѣднѣ-ледниковую эпоху) въ болыпей своей части *находилась подъ водою*, значитъ приходится допустить и то, что первые насельники острововъ, выйдя изъ окружающей ихъ водной стихіи на сушу, не только хорошо были знакомы со всѣми свойствами этой стихіи, но очевидно это была ихъ первичная чисто природная стихія, къ которой они имѣли инстинктивное тяготѣніе. А потому, поселившись на островѣ, они конечно, не могли вполне отказаться и отъ обладанія окружающаго ихъ воднаго пространства, въ которомъ они находили, какъ мы знаемъ, почти, исключительныя средства къ ихъ пропитанію (рыбная ловля). Нѣтъ, повидимому, никакого сомнѣнія и въ томъ, что имѣвшіеся у этихъ людей ладьи были всегда наготовѣ какъ для своихъ насущныхъ (хозяйственныхъ) надобностей, такъ и въ случаѣ представившейся опасности со стороны нападавшаго на нихъ врага. Дѣло въ томъ, что при тогдашнемъ островномъ положеніи, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій съ непріателемъ, они могли думать о спасеніи жизни, или говоря стратегическимъ языкомъ, *объ отступленіи*, не иначе, какъ только при посредствѣ имѣющихся въ ихъ распоряженіи лодокъ и окружающей водной поверхности. Но вѣдь и непріятель ихъ не могъ упустить изъ виду того обстоятельства, что осажденные насельники во всякое время могутъ спустить свои лодки на воду, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ занимаемаго ими острова и ускользнуть отъ угрожающей имъ опасности,—можетъ быть для того только, чтобы, собравшись съ силами, снова напасть на того же врага и отбить у него свое сухонутное пристанище.

Отсюда ясно, что атакующему островъ непріятелю, приходится приложить все свое стараніе, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ, т. е. отрѣзать врагу путь отступленія, а обороняющемуся нужно дѣйствовать такъ, чтобы пробить себѣ путь отступленія во чтобы то ни стало, если ни въ одномъ, то

въ другомъ направленіи. Вотъ, по нашему разумѣнію, какова должна быть схема первобытной стратегіи и тактики.

Запомнимъ эту схему: она намъ пригодится и въ болѣе позднія эпохи человѣческаго общежитія, а въ частности — славянского и русско-финскаго.

IV. Съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, водныя пространства въ своемъ объемѣ постепенно уменьшались, уровень ихъ становился все ниже, и такимъ путемъ примыкающая къ островамъ поверхность земли мало-по-малу обнажалась; причемъ обнаженіе это происходило обыкновенно съ какой нибудь одной болѣе пологой стороны; въ общемъ же сухонутнымъ очертанія острова, подвергаясь дальнѣйшему совокупному дѣйствію окружающихъ ихъ водныхъ пространствъ, постепенно увеличивали свою эллиптическую или яйцевидную форму; берега, подмываемые водой, становились обыкновенно съ двухъ и не болѣе какъ съ трехъ сторонъ болѣе отвѣсными; въ концѣ концовъ прежніе (послѣ-ледниковые) острова постепенно принимаютъ видъ различнаго рода геометрическихъ не совсѣмъ правильно очерченныхъ фигуръ: треугольниковъ, трапецій, квадратовъ, многоугольниковъ, омываемыхъ обыкновенно съ двухъ или трехъ сторонъ тѣми же водами, которыя ихъ когда то окружали и которыя теперь, раздѣленные данной высотой съ примыкающимъ къ ней съ одной какой нибудь стороны водораздѣломъ на двѣ части, образуютъ обыкновенно впереди этой высоты два сливающихся между собою водныхъ потока; изъ потоковъ этихъ одинъ, въ зависимости отъ входящихъ въ его составъ водныхъ пространствъ, становится *главной*, болѣе многоводной *рѣкой*, а другой, менѣе значительный по объему, именуется *притокомъ*.

Такъ возникло большинство тѣхъ возвышенныхъ участковъ земли, окруженныхъ обыкновенно съ трехъ сторонъ водою, на которыхъ вполнѣ, въ хорошо извѣстномъ уже намъ историческомъ время, мы встрѣчаемъ цѣлыя сооруженія укрѣпленныхъ пунктовъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ «городищъ».

Островное ихъ когда-то положеніе весьма характерно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что будучи, какъ мы уже сказали, окружены съ трехъ сторонъ естественными водными вмѣстителями, городища эти обыкновенно снабжались съ четвертой (открытой) стороны искусственными рвами, наполняемыми когда нужно водой изъ сосѣднихъ же природныхъ водохранилищъ: рѣкъ и притоковъ.

Съ стратегической точки зрѣнія той отдаленной отъ насъ эпохи, когда совершалась эволюція первобытнаго перехода человѣка отъ жизни на водѣ къ жизни на материкѣ,—изъ окружавшія человѣка водныя пространства, какъ равно и на тѣ, которыми онъ самъ себя окружалъ, намъ не приходится смотрѣть только какъ на препятствія, могущія помѣшать противнику проникнуть внутрь материка, а напротивъ: человѣкъ нуждался въ нихъ прежде всего самъ, такъ какъ это была его стихія, въ которой выросъ цѣлый рядъ предшествующихъ ему поколѣній; онъ привыкъ вести борьбу за существованіе въ условіяхъ прибрежно-морской обороны (островное положеніе) и потому окружалъ себя водою, какъ хорошо испытаннымъ средствомъ борьбы со своимъ врагомъ: это была сфера, въ которой онъ могъ примѣнить свою, вѣками выработанную, стратегію и приспособить къ ней, хорошо укрѣпившіяся продолжительной практикой, привычныя для него тактическія дѣйствія.

Конечно, у него были въ это время и ладьи и всѣ снасти, при помощи которыхъ онъ могъ въ любой моментъ произвести въ любомъ мѣстѣ своего материка высадку, и, сформировавъ свою боевую флотилію, выступить съ ней противъ врага, а при неудачѣ — ускользнуть отъ него по направленію одного изъ природныхъ водовмѣстителей.

Само собою разумѣется, что при наличности только что перечисленныхъ условій веденія боевыхъ операцій, наименѣе обезпеченной отъ нападеній противника стороной являлась та часть острова, которая, постепенно подыжаясь, позже другихъ

частей освобождалась изъ подъ воды и, расширяясь мало-помалу въ своихъ размѣрахъ, давала возможность непріятелю высаживаться вдали отъ обороняющихся на островѣ поселенцевъ и могла, слѣдовательно, способствовать развитію здѣсь исключительно сухопутныхъ дѣйствій.

Такимъ чисто естественнымъ путемъ образовалось *два полюса обороны* первобытнымъ человѣкомъ-населникомъ своего материка: *прибрежно-рѣчной и сухопутный*.

Каждый изъ этихъ полюсовъ съ теченіемъ времени, укрѣплялся подручнымъ матеріаломъ (землей, деревомъ, камнями)<sup>5)</sup>, но само собою разумѣется, что особенную заботливость въ укрѣпленіи вызывалъ поясъ чисто сухопутной обороны: во первыхъ, онъ не противопоставлялъ непріятелю никакихъ естественныхъ препятствій, въ противоположность прибрежно рѣчному поясу, который во всякомъ случаѣ окаймлень былъ болѣе или менѣе крутыми берегами, которые легко было сдѣлать еще менѣе доступными, при помощи самыхъ примитивныхъ приспособленій; во вторыхъ, самая территорія пояса сухопутной обороны, съ каждымъ новымъ пониженіемъ или повышеніемъ воднаго уровня, подвержена была большимъ колебаніямъ: тутъ приходилось вести борьбу, и съ наступавшей на материкъ водной стихіей, и съ наступающимъ на томъ же материкѣ непріателемъ—одно бѣдствіе было разрушительнѣе другого.

Въ общемъ, по мѣрѣ спада водъ, и при болѣе или менѣе послѣдовательно возрастающемъ размѣрѣ пояса сухопутной обороны, территорія всего оборонительнаго участка возрастала все болѣе и болѣе. Въ то же время убыль воды неизмѣнно влекла за собою уменьшеніе числа операціонныхъ путей, связанныхъ съ водной базой, что несомнѣнно стѣсняло свободное

---

<sup>5)</sup> Далѣе мы увидимъ, что вполнѣстѣвн какъ открытыя стороны русскихъ городовъ, такъ и прочія ихъ части, примыкающія къ водѣ, огабжались изгородями, засѣками, деревянными или каменными стѣнами (Псковъ, Казань, Москва и мног. друг.).

прежде отступление защитников материка въ любой направ-  
лении, въ случаѣ неудачныхъ ихъ дѣйствій.

Все это заставляло обороняющихся, съ одной стороны, непрерывно расширять границы своихъ владѣній до естественнаго ихъ соприкосновенія съ воднымъ пространствомъ,<sup>6)</sup> съ другой,—пришлось подумать *о новой точкѣ опоры, о новой базисѣ*, который былъ-бы тутъ же на сушѣ, а не на водѣ, ускользавшей теперь изъ подъ ногъ человѣка-населенника, и образовавшей на его глазахъ вмѣсто прежней сплошной водной массы, постепенно суживающіеся отдѣльные бассейны рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и ручейковъ.

Вскорѣ, какъ мы это подробно изложили въ своемъ мѣстѣ,<sup>7)</sup> таковой базисъ былъ найденъ и при томъ найденъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теоретически и нужно было ожидать его появленія: онъ занялъ серединное, между поименованными выше полюсами, положеніе.

Изъ этихъ то трехъ частей боевого расположенія первобытнаго человѣка,—скажемъ для точности во время пребыванія его на верховьяхъ Волги<sup>8)</sup>,—и возникли три основныя части нашихъ древнѣйшихъ городовъ: прибрежно-рѣчной поясъ обороны получилъ названіе *«Кремля»*; сухопутный—*«земляного вала»*, (посада), а базисомъ ихъ (т. е. сосредоточіемъ боевыхъ, съѣстныхъ и всякихъ другихъ припасовъ), служила та самая центральная часть, которая впоследствии носила названіе *«средняго города»* (въ Псковѣ, Казани, и др.). Въ укрѣпленію этого средняго города, какъ главнаго жизненнаго перва обороны, принимались обыкновенно чрезвычайныя мѣры: онъ обстраивался чуть ли не въ три раза прочнѣе прочихъ двухъ частей тогдашняго укрѣпленнаго района; въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ онъ оплетался *«китой»*

<sup>6)</sup> См. подробнѣе по этому вопросу соображенія въ книжкѣ: «Старица и Вознесенскій монастырь».

<sup>7)</sup> См. «Старица и Вознесенскій монастырь» изд. 1914 г.

<sup>8)</sup> Далѣе мы увидимъ, что въ Приднѣпровской Руси періодъ остропного стратегическаго положенія древнихъ славянъ протекалъ при нѣсколькихъ иныхъ обстоятельствахъ.

(родъ веревки изъ травы или хвороста). Кита эта, переплетаясь между столбами и бревнами, идущими на нѣкоторомъ разстояніи отъ деревянныхъ стѣпъ города по внутренней и внѣшней ихъ сторонѣ, скрѣплялась еще иногда глинобитной или известково-каменной массой, закладывавшейся между плетнемъ и деревянными стѣпами<sup>9)</sup>.

Вотъ тѣ основные, изложенные вкратцѣ, выводы, которые мы сдѣлали при изученіи на мѣстѣ Старицкаго укрѣпленнаго района.

Если мы затѣмъ попробуемъ примѣнить масштабъ этихъ выводовъ ко всѣмъ прочимъ, извѣстнымъ намъ въ Россіи городищамъ, то увидимъ, что болѣе древнія изъ нихъ, въ особенности на югѣ Россіи, переживая какъ бы подготовительный періодъ, предшествующій болѣе развитой верхне-волжской оборонѣ, хотя и имѣютъ довольно значительное различіе отъ только что рассмотрѣннаго нами типа сѣверныхъ городищъ, но сущность, или вѣрнѣе идея ихъ обороны съ стратегической и тактической стороны, какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе, остается одною и тою же.

---

<sup>9)</sup> Въ такомъ именно родѣ укрѣпленъ былъ, между прочимъ, «средній городъ» въ Москвѣ, почему и получилъ названіе «Китай города».

## I.

Первоначальная исторія нашего отечества со II по VII вѣкъ включительно покрыта столь мало проницаемымъ мракомъ неизвѣстности, что намъ едва ли удастся сдѣлать вполнѣ обоснованный выводъ по интересующему насъ вопросу. Намъ извѣстно лишь то, что первобытной родиной славянъ были Придунайскіе Карпаты и что расселеніе ихъ оттуда въ районъ нашего отечества могло произойти еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. Извѣстно также и то, что въ началѣ II вѣка славянскіе народы входятъ въ составъ Дакійскаго царства, которое около этого времени разрушено было Императоромъ Траяномъ; каковое обстоятельство и заставило извѣстную часть славянскихъ племенъ податься на сѣверо-востокъ.

Г. Ключевскій говоритъ: «Наша *лѣтопись не помнитъ* явственно, что-бы восточные славяне *здѣ либо недалеко* *оставлялись по пути съ Дуная къ Днѣпру*».

Въ IV в. готскій вождь Германерихъ образовалъ изъ обитателей нашей страны обширное царство. Это и было первое исторически извѣстное государство въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

Съ V по VI вѣкъ славяне (по Ключевскому) «*смыкаются въ военные союзы*» и неоднократно вторгаются въ предѣлы Восточной Имперіи, но «*не цѣлыми племенами, а вооруженными ватагами или дружинами, выдѣлявшимися изъ разныхъ племенъ*». Самыя же «*племена были разобщены*» между собою.

Въ VI вѣкъ большинство славянскихъ племенъ объединяется какъ бы въ одипъ большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя дулѣбовъ. «*Продолжительная борьба съ Византіею*, говоритъ г. Ключевскій, *соткнула* восточное славянство *въ ничто цѣлое*».

Обращаясь собственно къ стратегической части нашего обзора мы видимъ: «Масса восточнаго славянства, говоритъ Ключевскій, сосредоточилась на склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припяти, и верхней Вислы».

Этотъ краткій перечень расселенія славянъ дастъ намъ довольно опредѣленно почувствовать, что въ стратегическомъ отношеніи мы тутъ имѣемъ дѣло съ нѣкоторыми знакомыми уже намъ признаками тѣхъ элементовъ, которые намъ пришлось наблюдать при изученіи Старицкаго района: тоже островное (т. е. разрозненное, обособленное) расселеніе на отдѣльныхъ горахъ славянскихъ племенъ; та-же окружающая ихъ водная стихія, уровень которой могъ въ то отдаленное отъ насъ время подниматься до фактическаго раздѣленія отдѣльныхъ горъ водой и которая давала имъ возможность направлять свои первобытныя «однодревки» во всѣ стороны. Стало быть, въ общемъ, та же стратегія (дѣйствіе по внѣшнимъ и внутреннимъ линиямъ), та же тактика (преобладаніе сухопутной обороны съ путемъ отступленія, лежащимъ на ближней рѣчной артеріи, и морская или рѣчная атака въ связи съ высадкой на болѣе удаленномъ отъ обороняющагося сухопутномъ участкѣ) съ тою лишь разницею, что мы не видимъ здѣсь никакого намека на дѣленіе занимаемаго первобытнымъ славяниномъ острова (горы) на части, какъ это мы имѣли случай наблюдать при обозрѣніи Старицкаго городища. И не видимъ мы этого здѣсь, можетъ быть, не потому только, что отдаленность эпохи и туманное изложеніе лѣтописей мѣшаетъ намъ это видѣть,—нѣтъ, мы просто не допускаемъ этой мысли, потому что намъ нѣтъ никакого основанія ее допускать; во первыхъ, исторія, какъ мы видѣли «явственно не замѣчастъ», что-бы славяне гдѣ-либо «надолго въ одномъ и томъ же мѣстѣ останавливались», во вторыхъ, они легко подчиняются вождямъ иноземныхъ наро-